УДК 008 + 316.722

Ю. В. Гудова

КУЛЬТУРА ИМПЕРИИ, ИМПЕРСКАЯ КУЛЬТУРА, КУЛЬТУРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ: ОСМЫСЛЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

В статье рассматривается многообразие научных подходов, изучающих культуру империй, имперскую культуру и культурный империализм. Обсуждаются достоинства и недостатки исторического и политологического подходов к изучению социокультурных и ментально-антропологических аспектов бытия современных форм империй и империализма. Делается вывод, что системно-структурный подход является наиболее продуктивным для исследования системы культуры и империи. На основе этого подхода предложена культурфилософская модель анализа имперской культуры, культуры империи и культурного империализма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: империя, культура империи, имперская культура, культурный империализм.

Актуальность проблемы. В XXI в. ученые-обществоведы отмечают, что соревнование между странами за доминирующее положение на международной арене идет не только в военной, политической и экономической сферах, но и в сфере культуры. Так, один из авторитетных экспертов в сфере новых имперских отношений, Герфрид Мюнклер, пишет, что «неизбежное тяготение к первенству сегодня проявляется... в сфере науки... и развлекательной индустрии. Нобелевские премии, рейтинги университетов, олимпийский медальный зачет и присуждение “Оскаров” раз за разом становятся тестом, оценивающим имперскую soft power» [9, *68*]. Многие другие мыслители, говоря о культурном империализме, подразумевают прежде всего культурное доминирование США над остальным миром (Г. Филимонов, Н. Цветкова, Д. Шиллер) и называют США новой империей или империей нового типа. Именно распространение культуры США по всему миру во многом позволяет говорить об актуальности изучения империи и империализма с точки зрения философии культуры. Как мы можем видеть, массовая художественная культура, а также технические достижения (компьютеры Apple

© Гудова Ю. В., 2017

и программное обеспечение Майкрософт), бренды одежды, медиаресурсы США распространены по всему миру. Национальные команды США занимают первые места на различных спортивных соревнованиях, большинство важных научных открытий происходит на территории Америки. Все это делает США одной из важнейших стран на международной арене, о чем пишут многие эксперты, называя Америку гегемоном или империей.

Эти наблюдения заставляют обратить внимание на два обстоятельства, и оба они напрямую связаны с фактором культуры. Во-первых, в условиях распада империй как особых государственных образований концепт «империя» не только не прекратил свое существование, но, существенно изменившись, приобрел новую актуальность и обладает способностью прояснять многие социокультурные процессы современности. Во-вторых, сдвиг исследовательского внимания к культурным аспектам процессов доминирования, распределения ресурсов, борьбы за влияние также оказывается связанным с семантикой концептов «империя» или «имперское». В современном обществе «империя» и «имперское» трансформируются в такое важное для понимания культурного доминирования явление, которое сначала Эдвард Саид, а затем и Герфрид Мюнклер назвали *культурным империализмом*.

Актуальность темы нашего исследования очень точно схвачена в названии книги Э. Саида «Культура и империализм», где оба понятия выступают во взаимной, равнозначной обусловленности. Согласно изложенной в этом труде концепции культурный империализм существует и проявляется в XX–XXI вв. в ситуации постколониализма, когда империй и колоний в классическом историко-политологическом понимании практически не существует, но одни страны продолжают оказывать сильное воздействие на другие, действуя мирным путем и посредством культурного доминирования.

Э. Саид, как глубокий, философски мыслящий литературовед, главное внимание при анализе культурного империализма уделял такому важному символическому компоненту «мягкой власти» империи, как литература, и пристально изучал становление имперского сознания и способы его распространения в английском колониальном романе викторианской эпохи, на чем и построено его знаменитое исследование. С точки зрения Г. Мюнклера, имперское доминирование в принципе включает в себя превосходство в четырех важнейших сферах межгосударственного взаимодействия — в политической, экономической, военной и культурной. Соответственно этой структуре Г. Мюнклер выделяет разновидности современного империализма: это «инвестиционный» (экономический) империализм, «сетевой» (политический) империализм и «культурный» империализм.

Как одна из разновидностей современного империализма, культурный империализм интересует Г. Мюнклера менее других и не является объектом специального анализа, поскольку он не ведет к непосредственному военному противостоянию и/или доминированию. Таким образом, военный, политический, экономический и культурный империализмы являются составными частями явления империализма в целом, но ни один из этих ученых не обосновал понятие культурного империализма исходя из системного понимания культуры как сложно организованной и развивающейся целостности, определяющей все взаимосвязанные элементы

устройства общества и государства. Тем не менее, введя понятие культурного империализма как центральное в понимании современности, названные выше ученые тем самым подчеркнули значение культурных компонентов в системе империи и империализма в целом, в том числе и в отношении исследования империй прошлого, задав тем самым новый *культурфилософский подход к их изучению*.

Степень изученности проблемы. **Основные подходы.** Империю и империализм изучали ученые на протяжении большого периода времени с точки зрения разных научно-методологических подходов. Один из наиболее часто встречающихся в исследованиях империи и империализма подходов — *исторический*. Мы особо выделяем работу историка В. Е. Матвеева, потому что предметом его анализа стали не объективные факты, события или процессы, а концепты, что делает результаты исследования методологически привлекательными и полезными. В. Е. Матвеев в своей кандидатской диссертации исследовал более 1000 научных публикаций за период 1989–2006 гг., посвященных изучению концепта «империя», и выделил определения империи и ее ключевые характеристики. В 1990-х гг. империя в отечественной историографии понималась как форма государства [8, *15*]. В конце 1990-х исследователи отмечали, что в своей основе империя имеет принципы уникальности и единичности [Там же, *16*] и одной из важных характеристик империи является «воспроизводящийся процесс “вчинения” единого нивелирующего режима от центра к периферии» [Там же, *17*]. В начале XXI в. империю начинают изучать «с точки зрения (мета) концептов: фронтир, миф, диаспора, память, война, язык, родина, слово, гендер, компаратив, эмоции, архив, государство-сад» [Там же, *19*].

В. Е. Матвеев также отмечает характерную для современной науки ситуацию, когда «само определение империи и производные от него используют все, но о содержании, смысле его договориться, по большому счету, не удается» [Там же, *6*]. По его мнению, не существует универсального содержания концепта «империя», которое можно было бы применить к любой эпохе, так как государства возникают в разных исторических условиях. Накоплен огромный эмпирический материал, соответствующий *многообразию вариантов выделения структурных элементов империи*. Систематизация материала чаще всего обходится бинарными оппозициями: метрополия/колония (Э. Саид) [10], центр/периферия (Г. Мюнклер) [9], развитые страны/слабые социальные группы (Д. Вольтер) [19] и т. п. В качестве примера исследований, анализирующих отличительные черты империй, можно назвать работы «Австро-Венгрия: судьба империи» (А. Шарый, Я. Шимов) [11] или «История упадка и крушения Римской империи» (Э. Гиббон) [2].

Исторический подход позволяет собрать и систематизировать огромное количество эмпирического материала, но изнутри него сложно вычленить значимость и автономность культурно-символических компонентов, а также объяснить способы культурного доминирования.

Второй широко распространенный подход к изучению империи — *политологический*. Российский политолог С. И. Каспэ в своей работе «Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика» обобщает определения

и характеристики империи, которые выделяют некоторые ученые. Так, он приводит определение империи Ш. Н. Айзенштада: «Термин ''империя'' обычно используется для обозначения политической системы, охватывающей большие, относительно сильно централизованные территории, в которых центр, воплощенный как в личности императора, так и в центральных политических институтах, образовывал автономную единицу» [7]. Самой империи, по А. Шопар-Ле Бра, присущи следующие характеристики [Там же]:

1) территория империи должна быть существенно больше, чем средняя для этой эпохи и региона;

2) империя этнически неоднородна;

3) империя имеет относительно большую временну́ю протяженность;

4) власть в империи монолитна и находится в руках одного лица или одной партии;

5) империи свойственно стремление к неограниченной гегемонии.

Обратим внимание на то, что по крайней мере четыре пункта из пяти имеют относительный, а не универсальный характер, их выделение ограничено рамками определенного, хотя и весьма протяженного, исторического периода.

Ценность политологического подхода заключается, на наш взгляд, в том, что здесь в центр внимания попадают символические ресурсы, так как политический аспект непосредственно включает в себя изучение структуры и механизмов осуществления власти. С. И. Каспэ упоминает теорию Л. С. Гатаговой. В этой теории она, характеризуя империю, говорит о важности культурных составляющих, таких как сакральная власть и идеология, роль которой, по ее мнению, может выполнять религия [Там же].

В рамках исторического и политологического подходов исследователи рассматривают империю как форму государственности или политическую систему. Особое значение придается определению специфики *понятия доминирования*. При этом многие исследователи выделяют важные культурно-символические аспекты существования империи, например, мифологичность имперского сознания, имперские символы, имперский язык, искусство и многое другое.

Имперская культура, культура империи. В историческом и политологическом подходах сложилось различение таких концептов, как *«имперская культура»* (imperial) и *«культура империи»* (Empire). Можно утверждать, что культура империи — традиционный предмет изучения исторической науки, а имперская культура скорее тяготеет к предмету интереса политологов. Философ Ю. М. Аксютин утверждает, что с точки зрения этих подходов «империя является «трансгосударственной, транскультурной и транснациональной конструкцией» [1, *4*]. С точки зрения политологического подхода империя — это «сложносоставное политическое сообщество, инкорпорировавшее в себя малые политические единицы» [Там же]. С точки зрения историко-политологического подхода империя — это «этап в процессе становления транснациональных систем государственности» [Там же]. Префикс *«транс-»*, применяемый Ю. М. Аксютиным, интересен тем, что сдвигает основное определение империи с оси доминирование/подчинение

на другое измерение, в котором отношения господства и подчинения оказываются не главными, а на первый план выходят объединяющее начало, системы связей и коммуникаций, пересечения границ.

Не случайно этот сдвиг в сторону изучения структур в оптике «транс» заставляет Аксютина обратить внимание на концепт «имперская культура» как концентрирующий в себе именно транснациональные связи. Изучив большой ряд источников, касающихся этой проблемы, Аксютин выделяет три подхода к определению термина «имперская культура»:

1) в рамках первого подхода «отождествляются имперская культура и формы общественного сознания империи» [1, *5*];

2) второй подход является психолого-антропологическим. В этом контексте имперская культура — это «проявление психоментальных установок культуры конкретного этноса, доминирующая роль которого в определенных условиях становится магнетически притягательной для иных этнических и национальных культур» [Там же];

3) третий подход определяют имперскую культуру как «инструмент воздействия элит на массы» [Там же].

Ю. М. Аксютин отмечает, что концепт «имперская культура» начал активно изучаться в 1990-е гг., но и в начале 2000-х теория имперской культуры все равно носит фрагментарный характер. Подтверждение этого тезиса мы находим в работе Г. Мюнклера (2005), где он не уделяет большого внимания описанию имперской культуры как системного явления, а предлагает очертить лишь его внешние контуры. Он утверждает, что необходимо отличать имперскую культуру от культуры империи, и предлагает это делать на основании *аксиологических акцентов*. Так, если культура государства, имеющего имперскую форму правления, описывается как система артефактов, *равная другим* сосуществующим культурам, то это культура империи. Если в культуре государства акцент делается на доминировании и обосновании превосходства этого государства над другими, то это уже позволяет говорить об имперских амбициях и имперской миссии, составляющих суть имперской культуры. И культура империи, и имперская культура характеризуют империю как транснациональное политико-социокультурное образование. Устойчивое функционирование таких сложных систем без культурных компонентов власти, по мнению Г. Мюнклера, невозможно.

Культурный империализм. Культурный империализм, о необходимости пристального изучения разнообразных вариантов которого говорил в XX в. Э. Саид, в наши дни исследуют Ч. Шиллер [17, 18], П. Голдинг [13], С. П. Майнс [14], П. Харрис [13], Дал Йонг Джин [12], Ф. Помпер [16] и др. Все авторы рассматривают культурный империализм, исходя из разных оснований, концепций и установок. Например, К. Оффен основывается на результатах художественной деятельности, Д. Блэйкмар за основу берет концепт визуальной эпистемологии, Э. Саид — теорию власти и доминирования, С. П. Майнс — культурно-топологические характеристики. Мы предлагаем объединить эти концепции в рамках системно-структурного подхода и выделить одно общее основание — особое

качество функционирования системы культуры и империи, которое мы обозначили как *варианты репрезентации*.

Существует ряд теорий, которые занимаются изучением культурного империализма с точки зрения человека — субъекта культуры и результатов *художественной деятельности*, например, исследования, в которых в качестве репрезентативного воплощения империй рассматривается визуальное искусство. Так, Карл Оффен делает обзор многочисленных научных работ, где специально исследуются репрезентации империй в визуальных формах искусства на примере Испанской и Британской империй [15]. Он отмечает, что эти работы могут быть прочитаны как реакция на призыв Эдварда Саида в «Культуре и империализме» изучать историю западной культуры как глубоко запутанный процесс борьбы различных империй и постоянных имперских экспансий. Именно поэтому учеными рассматриваются архитектурные и скульптурные сооружения, картины, печатная продукция в качестве способов визуальной репрезентации имперского характера культуры.

Сторонница данного аспекта исследований Даниела Блэйкмар вводит понятие «визуальной эпистемологии» империи. Согласно этой концепции визуальный образ — это графическая форма коммуникации, посредством которой империи осуществляют администрирование [Там же]. Автор выводит взаимосвязь между естественной историей, визуальной культурой и администрированием империи в испанском мире. Блэйкмар исследовала несколько тысяч нарисованных изображений, накопленных испанской Короной между 1770-ми и ранними 1800-ми гг. Она изучала картины, представляющие визуальную культуру естественной истории, и пришла к выводу, что эта культура имела *общедоступный визуальный язык,* что делало ее идеологию глобальной в пределах испанского мира (Испания, Португалия, Латинская Америка, островные государства Атлантического и Тихого океанов).

Также существуют теории, которые изучают культурный империализм с точки зрения *взаимодействия культуры и общества*. Э. Саид определяет феномен «культурного империализма» как многостороннее культурное подавление, в результате которого доминирующая культура вытесняет и подавляет все проявления подчиняемой культуры — от высоких до низовых, от личного до общественного, от системы ценностей до потребительских интересов, от символов и ритуалов до их имитаций в массовом искусстве. Именно культура как целостность формирует имперские чувства, мысли и воображение.

Для Э. Саида важное значение в становлении культурного империализма Великой Британской империи играли английские *романы* как пример репрезентации империализма. В ходе своего исследования он показал, что британское доминирование было отрефлексировано и выработано в английском романе, то есть подготовка к утверждению империи произошла именно в сфере культуры. Э. Саид считал, что прежде чем возникнет империя как политико-экономическое явление, она должна возникнуть в сознании колонизаторов. При этом ученый отмечал, что империалистическая идеология — это гибкая система, которая реагирует на все политические импульсы, в том числе и, например, заложенные в английском романе.

Для С. П. Майнса [14] культурный империализм — важный фактор для производства *воображаемых географий*, которые развивают понимание места и идентичности, поскольку в его концепции культурный империализм понимается как «процесс диспропорционального влияния на социальные практики и идеологии одной социополитической группы на практики и идеологии политически более слабых и часто менее здоровых групп» [14]. Опять же, возвращаясь к Мюнклеру, именно такое понимание идентичности позволяет центру удержать периферию.

Все названные концепции имеют разные основания, но мы их предлагаем объединить понятием *репрезентации символической власти*. Концепции Э. Саида и С. П. Майнса, Д. Блэйкмар, К. Оффен схожи в том, что для них источником и основанием культурного империализма является *сфера символического, а именно языковые, литературные, визуальные, пластические репрезентации,* которые являются ключевыми компонентами в создании и культурной репродукции империалистских идентичностей и практик.

Каждый из перечисленных подходов рассматривает только одну сторону культурной жизни империи: ментальную, функциональную, стратифицирующую или аксиологическую. На наш взгляд, все эти подходы должны дополнять друг друга, основываясь на мощном едином основании. Для философии культуры таким подходом-основанием является *системный подход* к исследованию культуры, обоснованный М. С. Каганом в его работе «Философия культуры» [6]. М. С. Каган разработал свою концепцию культуры, которая заключается в том, что культура понимается как система. Один из важных для нас аспектов этой концепции заключается в изучении субъект-объектных и субъект-субъектных взаимодействий в культуре. На основе этой концепции мы можем рассмотреть имперскую культуру, культуру империй и культурный империализм с точки зрения субъектного, функционального и предметного анализа.

Л. А. Закс развивает эту концепцию в своих статьях [3–5]. В концепции культуры Л. А. Закса [3] мы выделяем важную для нашего исследования категорию социальной формы организации культуры. Л. А. Закс дает определение таким формам: это «незримые органичные силы, которые характеризуются устойчивым, повторяющимся, воспроизводимым, массовым характером» [Там же]. Социальные формы организации культуры объективны, антропологичны и универсальны. Выделяются *три основные социальные формы*: социальные институты, социокультурные формы общения и формы индивидуального поведения. Они включают в себя идеологию, нормы, обычаи, традиции, социальные статусы, социальные роли, социальные идентичности. В этой концепции методологически значимой для нас является идея социальной универсальности и всеохватности культуры, представленной повсеместно и обеспечивающей все основные типы потребностей общества и человека и все основные сферы их жизни.

Таким образом, следуя концепциям культуры М. С. Кагана и Л. А. Закса, мы можем в рамках системно-структурного подхода предложить культурфилософскую модель анализа культуры империи, имперской культуры и культурного империализма как особых антропологических (человек — объект и человек — субъект культуры) социальных форм.

Культурфилософская модель анализа имперской культуры, культуры империи и культурного империализма. Взгляд с точки зрения системно-структурного подхода на существующие в России и за рубежом частно-научные концепции и идеи позволил построить модель культурфилософского анализа взаимоотношений систем империи и культуры, при котором культура понимается как источник символической власти империи в соответствии с вышеупомянутыми концепциями М. С. Кагана и Л. А. Закса.

Такая модель состоит из следующих содержательных моментов: субъектов культуры, деятельности этих субъектов в рамках социально-организующей и социально-коммуникативной подсистем культуры и предметов, возникающих в ходе деятельности.

Во-первых, культура империи характеризуется особой имперской субъектностью. Субъектность имперской культуры — это множественное образование, состоящее из трех уровней: 1) культуры имперского этноса, которая направлена на снятие этнокультурных противоречий ведомых этносов в рамках единой социокультурной системы; 2) культуры различных сфер общественной жизни, формируемой имперски настроенной элитой (коллективный агент империи) в целях внедрения имперской культуры в сознание масс (коллективных адептов империи); 3) культуры, создаваемой и поддерживаемой индивидами-пассионариями (индивидуальные агенты империи) в целях исполнения личного долга служения империи («строители империи» в Соединенном Королевстве, «служивые люди» в Российской империи, «люди с длинными волосами» в Монголии, самураи в Японии [1]).

Имперская субъектность как целостность включает ментально-психологические элементы имперскости, присущие индивидуальным и коллективным агентам и адептам империи, — это имперское сознание, имперская идеология (имперская идея, миссия, ценности, стратегия) и пропаганда (имперский миф), то, что создается, легитимируется и внедряется сознанием агентов и адептов империи.

Второй аспект бытия культуры империи — деятельностный. Функционирование культурного империализма включает социально-организующую и социально-коммуницирующую деятельность: 1) агенты символической имперской власти присваивают эту власть, распоряжаются и манипулируют ею, утверждаются в статусе имперских элит; адепты символической имперской власти (ведомые этносы, массовое население империи, обыватели) осуществляют практики имперской повседневности, подчиняясь логике существования имперской культуры; 2) агенты и адепты символической имперской власти коммуницируют между собой таким образом, что социально-коммуникативная подсистема имперской культуры порождает коммуникационный империализм, при котором империи принадлежат приоритетные права в финансировании и производстве доминирующих коммуникационных сетей, средств и контента.

Третий аспект существования культуры империи — это особая имперская предметность. Она включает в себя предметно-вещный ряд, манифестирующий, репрезентирующий и символизирующий власть империи в сфере культуры,

и представлена в единстве визуального, вербального и медийного нарративов. Имперская элита визуализирует имперские идеи и ценности в форме архитектурных ансамблей и скульптурно-мемориальных комплексов, картин, гравюр, книжной графики, графических элементов в декоративно-прикладном искусстве (включая денежные знаки, гербы и геральдику, флаги и т. д.), в открытках и марках, прочей почтовой и писчей продукции, картографических изображениях. Вербальные нарративы также опредмечивают цели и ценности, идеи и нормы, образы и образцы имперской жизни во всех жанрах поэзии и прозы, драмы, фольклора и постфольклора и т. д.

В ходе исследования мы вывели многомерную и многоуровневую культурфилософскую модель анализа имперской культуры, культуры империи и культурного империализма. Эта модель обладает большим эвристическим потенциалом. Она позволяет изучать феномены культуры и империи в любой из выделенных социальных форм бытия и объяснять каждый из отдельно взятых элементов культуры с точки зрения функционирования всей системы как целостности. На наш взгляд, в рамках данной модели возможно наиболее полно и многомерно изучить особенности взаимоотношений двух ключевых для понимания бытия человека и общества систем, какими являются империя и культура.

---

1. *Аксютин Ю. М.* Имперская культура: система ценностей, символы, ритуал : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2009.

2. *Гиббон Э.* История упадка и крушения Римской империи. М., 2002.

3. *Закс Л. А.* Социально-организующая культура и ее роль в историко-культурных исследованиях // Альманах кафедры эстетики и философии культуры СПбГУ. СПб., 2012. № 3.

4. *Закс Л. А.* Общество для творчества: социально-организующая культура как основание креативности // Институциональная культурология. СПб., 2013.

5. *Закс Л. А.* Общество в культурологическом дискурсе: к проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология // Социология: современность и перспективы : сб. науч. ст. / ред.-сост. Г. Е. Зборовский. Екатеринбург, 2013.

6. *Каган М. С.* Философия культуры. СПб., 1996.

7. *Каспэ С. И.* Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5945 (дата обращения: 14.01.2017).

8. *Матвеев В. Е.* Концепт «империя» в современной научной литературе : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008.

9. *Мюнклер Г.* Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М., 2015.

10. *Саид Э.* Культура и империализм. СПб., 2012.

11. *Шарый А., Шимов Я.* Австро-Венгрия: судьба империи. М., 2015.

12. *Dal Yong. Jin.* Reinterpretation of cultural Imperialism: emerging domestic market vs continuing US dominance // Mass Culture and Society. 2007. Vol. 29, № 5.

13. *Golding P., Harris P.* (ed.) Beyond Cultural Imperialism. L., 1997.

14. *Mains S. P.* Cultural Imperialism [Electronic resource] // International Encyclopedia of Human Geography. 2009. Vol. 1. URL: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780080449104000821 (accessed: 27.02.2015).

15. *Offen K.* The visual culture of empire // Journal of Historical Geografy. 2014. Vol. 45 [Electronic resource]. URL: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305748814000899 (accessed: 02.03.2015).

16. *Pomper P.* The history and theory of empires // History and Theory. 2005. Vol. 44, № 4 [Electronic resource]. URL: http://www.jstor.org/stable/3590855 (accessed: 28.02.2015).

17. *Schiller D.* Communication and Cultural Dominance. N. Y., 1976.

18. *Schiller D.* Mass communication and American Empire. Oxford, 1992.

19. *Walter D.* Colonialism and Imperialism // Encyclopedia of Violence, Peace, and Conflict (Second Edition). 2008. Vol. 2 [Electronic resource]. URL: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/B9780123739858000301 (accessed: 02.03.2015).

Рукопись поступила в редакцию 1 февраля 2017 г.